

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды человек, страдавший лихорадкой, принял хину. Он еще держал стакан в руке и корчил гримасу от горечи; взглянув в зеркало, он увидел в нем свое бледное, даже слегка позеленевшее лицо. Быстро отставив стакан, он кинулся к зеркалу, чтобы его разбить.

Такова, пожалуй, будет участь этих томов. На свою беду, они повествуют не о событии столетней давности: действующие в них лица — наши современники; они были еще живы, кажется, два-три года назад. Повинен ли автор, если некоторые из них — убежденные легитимисты, а другие рассуждают как республиканцы? Должен ли автор признать себя одновременно легитимистом и республиканцем?

Правду сказать, раз уж его вынуждают к столь серьезному признанию, он, на худой конец, заявляет, что был бы в отчаянии, если бы жил под властью нью-йоркского правительства. Он предпочитает угодить господину Гизо, чем своему сапожнику. В девятнадцатом столетии демократия неизбежно приводит к господству в литературе людей посредственных, рассудочных, ограниченных и в литературном отношении *пошлых*.

21 октября 1836 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Люсьена Левена выгнали из Политехнической школы¹ за то, что он некстати вышел прогуляться в день, когда, подобно всем своим товарищам, находился под домашним арестом: это было в один из прославленных июньских, апрельских или февральских дней 1832 или 1834 года.

Несколько молодых людей, достаточно безрассудных, но обладавших немалым мужеством, намеревались низложить короля, и воспитанники Политехнической школы, этого питомника смутьянов, бывшие в немилости у владыки Тюильри², были посажены под строгий арест в своем собственном помещении. На другой день после прогулки Люсьен был исключен как республиканец. Сильно огорченный на первых порах, он уже два года утешался тем, что ему не нужно больше работать по двенадцати часов в сутки. Он отлично проводил время у своего отца, человека, привыкшего жить в свое удовольствие, богатого банкира, салон которого был одним из самых приятных в Париже.

Господин Левен-отец, участник знаменитой фирмы «Ван-Петерс, Левен и К^о», боялся лишь двух вещей на свете: докучливых людей и сырого воздуха. Он никогда не бывал в дурном настроении, никогда не разговаривал серьезно с сыном и после исключения Люсьена из школы предложил ему работать в конторе один только день в неделю, по четвергам, когда прибывала главная корреспонденция из Голландии. За каждый отработанный четверг кассир выплачивал Люсьену двести франков и, кроме того, время от времени покрывал кое-какие его долги. По этому поводу господин Левен говорил:

— Сын — кредитор, данный нам природой.

¹ *Политехническая школа* — высшая школа для подготовки инженеров, основанная в 1794 году. — *Здесь и далее, кроме отмеченных особо, примеч. ред.*

² То есть у французского короля Луи-Филиппа I (правил 1830–1848).

Иногда он посмеивался над этим кредитором.

— Знаете ли, — спросил он однажды, — какую надпись сделали бы на вашей мраморной гробнице на кладбище Пер-Лашез, если бы мы имели несчастье потерять вас?

SISTE VIATOR!¹
ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ЛЮСЬЕН ЛЕВЕН,
РЕСПУБЛИКАНЕЦ,
КОТОРЫЙ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ ЛЕТ
ВЕЛ НЕПРЕРЫВНУЮ БОРЬБУ
С СИГАРАМИ
И С НОВЫМИ САПОГАМИ.

В момент, с которого мы начинаем наше повествование, этот противник сигар уже не думал о республике, заставлявшей ждать себя слишком долго². «В самом деле, — говорил он себе, — если французам нравится, чтобы ими управлял монарх под барабанный бой, к чему их тревожить? Большинству, по-видимому, пришлось по вкусу пресная смесь из лицемерия и жеманства, которую называют *представительным образом правления*»³.

Родители Люсьена вовсе не стремились регламентировать его жизнь до мелочей, и он проводил свое время в салоне матери. Еще молодая и довольно красивая, госпожа Левен пользовалась глубочайшим уважением окружающих. Ее считали необыкновенно умной. Тем не менее строгий судья мог бы упрекнуть ее в чрезмерной деликатности и в слишком непримиримом презрении, с которым она относилась к громким речам и к наглости наших молодых людей, пользующихся успехом в обществе. Эта женщина, обладавшая гордым и своеобразным характером, даже не удостаивала их внешним проявлением своего презрения и при малейших признаках вульгарности или жеманства погружалась в непреодолимое молчание.

¹ Остановись, прохожий! (*лат.*)

² По мнению нашего безрассудного героя, который со временем исправится. — *Примеч. автора.*

³ Это говорит республиканец. — *Примеч. автора.*

Госпожа Левен могла невзлюбить самые безобидные вещи только потому, что впервые встретила их у слишком шумливых людей.

Обеды господина Левена славились во всем Париже; нередко они бывали верхом совершенства. В иные дни он принимал у себя людей денежных или делавших карьеру, но эти господа не входили в круг лиц, собиравшихся у его супруги. Таким образом, общество это ничего не проигрывало от профессии господина Левена: деньги не признавались здесь единственной заслугой человека и даже, вещь невероятная, не считались самым крупным преимуществом. В этом салоне, обстановка которого стоила сто тысяч франков, ни к кому не относились с ненавистью (странное противоречие!), но любили посмеяться и при случае очень неплохо вышучивали всякое притворство, начиная с короля и архиепископа. Как видите, беседы, которые здесь велись, отнюдь не имели целью способствовать карьере или достижению *хорошего положения*. Однако, невзирая на это обстоятельство, отпугивавшее от салона немало людей, о которых в нем не сожалели, множество лиц стремились быть допущенными в кружок госпожи Левен. Он стал бы одним из модных салонов, если бы госпожа Левен захотела облегчить доступ в него, но для этого надо было удовлетворять сразу многим условиям. Единственной целью госпожи Левен было желание развлечь мужа, который был старше ее на двадцать лет и, как утверждала молва, состоял в очень близких отношениях с актрисами Оперы. Несмотря на это неудобство, госпожа Левен, как бы ни была приятна атмосфера ее салона, бывала счастлива лишь тогда, когда видела в нем своего мужа.

Окружающие считали, что Люсьен обладает изящной внешностью, непринужденностью и чрезвычайной изысканностью манер, но на этом кончались похвалы: он не слыл человеком большого ума. Любовь к труду, почти военное воспитание и прямота суждений, привитая ему Политехнической школой, сделали для него невозможным

какое-либо притворство. В любой момент он действовал сообразно с желанием, владевшим им именно в эту минуту, и мало оглядывался на *других*.

Он сожалел о шпаге Политехнической школы, потому что госпожа Гранде, очень красивая женщина, пользовавшаяся успехом при новом дворе, сказала ему, что он умеет носить шпагу. Он был достаточно высокого роста и превосходно держался в седле. Красивые темно-русые волосы сообщали приятность его лицу, неправильные и слишком крупные черты которого дышали искренностью и живостью. Но, надо признаться, никакой резкости в манерах, ничего напоминающего выправку полковника на подмостках театра «Жимназ» и еще меньше — важного, рассчитанно-надменного тона молодого атташе при посольстве. Ничего решительно в его поведении не говорило: «У моего отца десять миллионов». Таким образом, герой наш не обладал модной внешностью, составляющей в Париже три четверти красоты. Наконец — вещь непростительная в наш накрахмаленный век — у Люсьена был беспечный, ветренный вид.

— Как легкомысленно пренебрегаешь ты своим положением! — заметил ему однажды его кузен Эрнест Девельруа, молодой ученый, уже блиставший в «Revue de ***» и получивший три голоса при выборах в Академию моральных наук.

Эрнест говорил это в кабриолете Люсьена, который, по его просьбе, отвозил его на вечер к господину N., либералу возвышенно-чувствительного образа мыслей в 1829 году, а теперь занимающему несколько должностей с общим окладом в сорок тысяч франков и называющему республиканцев *позором рода человеческого*.

— Будь ты немного серьезнее, не смейся ты по самому глупейшему поводу, ты мог бы прослыть в салоне твоего отца, и даже в других местах, одним из лучших воспитанников Политехнической школы, уволенным из нее за политические убеждения. Посмотри на своего школьного товарища, господина Коффа, исключенного подобно те-

бе: бедный, как Иов, он на первых порах из милости был допущен в салон твоей матери, а теперь разве не пользуется он уважением, да еще каким, среди этих миллионеров и пэров Франции! Его секрет очень прост, каждый может последовать его примеру: у него важное выражение лица и он никогда не проронит ни слова. Напускай же на себя хоть иногда немного мрачности. Все люди твоего возраста стремятся иметь какое-то значение; ты приобрел его в одни сутки, без малейшего старания, мой милый, и ты с легким сердцем отказываешься от него. Тебя можно принять за ребенка, и, что еще хуже, за ребенка самодовольного. Тебя начинают ловить на слове, предупреждаю тебя, и, несмотря на отцовские миллионы, с тобой совсем не считаются; в тебе нет никакого постоянства, ты только милый школьник. В двадцать лет это почти смешно, а ты, чтобы придать совершенную законченность своему образу, проводишь целые часы перед зеркалом, и это всем известно.

— Чтобы тебе понравиться, — отвечал Люсьен, — я должен был бы разыгрывать роль, не правда ли, роль *меланхолически настроенного человека*? А что получу я от общества взамен за мою скуку? Ведь эта неприятность сопутствовала бы мне постоянно. Разве не пришлось бы мне, бровью не моргнув, выслушивать длинные проповеди маркиза Д. на экономические темы и сетования аббата Р. на бесконечные опасности, сопряженные с разделом имущества между братьями, предписываемым Гражданским кодексом? Во-первых, возможно, эти господа не знают, о чем говорят, а во-вторых — и это много вероятнее, — они здорово поиздевались бы над простофилями, которые поверили бы им.

— Ну что ж, опровергни их, начни спорить: галерка за тебя. Кто заставляет тебя соглашаться? Будь серьезен, напусти на себя *солидность*.

— Боюсь, как бы меньше чем за неделю эта напускная солидность не стала подлинной. Что мне до мнений света? Я не спрашиваю его ни о чем. Я не дал бы и трех

луидоров за честь быть членом твоей академии; разве мы только что не видели, каким способом был избран господин Б.?

— Но свет рано или поздно потребует у тебя отчета в положении, которое он отводит тебе на слово, благодаря миллионам твоего отца. Если твоя независимость вызовет у света чувство досады, он отлично сумеет найти повод поразить тебя в самое сердце. В один прекрасный день ему придет фантазия отшвырнуть тебя в последний ряд. Ты привыкнешь к благожелательному приему; предвижу твое отчаяние, но будет слишком поздно. Тогда ты почувствуешь необходимость быть чем-нибудь, принадлежать к какой-нибудь корпорации, способной при случае поддержать тебя, и ты сделаешься рьяным любителем конских бегов. Я же считаю менее глупым быть академиком.

Проповедь кончилась, так как Эрнест вышел из кабиолета у дверей ренегата, занимавшего двадцать должностей.

«Чудак мой кузен! — решил Люсьен. — Точь-в-точь как госпожа Гранде, которая находит, что для меня крайне важно ходить в церковь: „*Это в особенности необходимо для того, кто предназначен к блестящей карьере, но не обладает громким именем*“. Черт возьми, дурак бы был я, если бы занимался этими скучными вещами! Кому до меня дело в Париже?»

Шесть недель спустя после нравоучения Эрнеста Девельруа Люсьен прохаживался у себя по комнате; он внимательнейшим образом рассматривал клетки дорогого турецкого ковра, который госпожа Левен распорядилась перенести из своей комнаты в комнату сына в день, когда он простудился. В связи с этой же простудой Люсьен был облачен в великолепный причудливый халат, синий с золотом, и в очень теплые рейтузы из кашемира малинового цвета.

У Люсьена был счастливый вид, на его лице играла улыбка. Всякий раз, проходя мимо кушетки, он немного

скашивал глаза в ее сторону, не останавливаясь, однако; на ней лежал зеленый мундир с малиновой выпушкой, и к мундиру были прикреплены эполеты корнета.

В этом-то и заключалось счастье.

ГЛАВА ВТОРАЯ

У господина Левена, знаменитого банкира, было много друзей, так как он давал изысканнейшие, почти безупречные обеды и вместе с тем не был человеком ни требовательным в нравственном отношении, ни скучным, ни честолюбивым, а только взбалмошным и оригинальным. Однако — и это была серьезная ошибка — друзья были выбраны не из числа лиц, способных повысить то значение и уважение, которым он пользовался в свете. Это были прежде всего умные люди, не привыкшие отказывать себе в удовольствиях, люди, которые по утрам, быть может, занимаются серьезно своими делами, но по вечерам смеются над всем на свете, посещают Оперу и, что весьма существенно, не придираются к власти в вопросе об ее происхождении, ибо в связи с этим пришлось бы сердиться, порицать, впадать в уныние. Эти друзья сказали всесильному министру, что Люсьен отнюдь не какой-нибудь Хемпден¹, фанатик американской свободы, отказывающийся платить налоги, если бюджет не утвержден, а всего-навсего двадцатилетний молодой человек, образ мыслей которого не отличается от образа мыслей окружающих. В результате тридцать шесть часов спустя Люсьен уже был корнетом 27-го уланского полка, носящего на мундире малиновые выпушки и, кроме того, прославленного блестящими воинскими подвигами.

«Должен ли я сожалеть о Девятом полку, где тоже была вакансия? — задавал себе вопрос Люсьен, закуривая сигарету, скрученную им из лакричной бумаги, которую ему

¹ *Джон Хемпден* (ок. 1595–1643) — английский политик, оспаривал права короля Англии Карла I на абсолютную власть, что стало прелюдией к Английской революции.

прислали из Барселоны. — У Девятого ярко-желтые выпушки... это живее, но менее благородно, менее строго, менее по-воински... Ба! По-воински! Эти полки, находящиеся на содержании у палаты депутатов, никогда не пустят в настоящее дело! Самое существенное для мундира — это быть нарядным на балу, а ярко-желтый цвет живее...

Какая разница! В былое время, когда, поступив в Школу, я впервые надел мундир, меня мало интересовал его цвет; я думал о прекрасных батареях, быстро строящихся в боевом порядке под ураганным огнем прусской артиллерии... Как знать? Быть может, мой Двадцать седьмой уланский бросится в один прекрасный день в атаку на этих изящных гусаров смерти, о которых Наполеон лестно отозвался в Иенском бюллетене... Но чтобы драться с подлинным удовольствием, нужно, чтобы родина была действительно заинтересована в исходе сражения; ибо если речь идет лишь о том, чтобы понравиться этим господам, являющимся *привалом в грязи* и поощряющим наглость иноземцев¹, тогда, право, незачем стараться».

И все удовольствие пренебрегать опасностью, сражаться геройски потускнело в его глазах. Из любви к мундиру он делал попытку помечтать о преимуществах военной службы.

«Получать чины, ордена, деньги... А почему бы, — сразу подумал он, — не пограбить немца или испанца, как N. или как N.?»

Оттопырив губу с видом глубокого презрения, он уронил сигарету на прекрасный ковер, подарок матери; он поспешно поднял ее; это был уже другой человек: отвращения к войне не было и в помине.

«Ба, — сказал он себе, — никогда ни Россия, ни другие деспотии не простят нам Трех дней². Значит, сражаться будет прекрасно...»

¹ Молодой человек изъясняется еще на языке партии, к которой он раньше принадлежал; это говорит республиканец. — *Примеч. автора.*

² Имеется в виду Июльская революция 1830 года, приведшая к свержению короля Карла X и возведению на престол Луи-Филиппа, герцога Орлеанского.

Убедившись в том, что ему не страшно унижительное общение с любителями выдач из казны, он снова перевел взор на кушетку, на которой военный портной разложил мундир корнета. Он представлял себе войну по артиллерийским упражнениям в Венсенском лесу...

«Быть может, получу рану!» И он уже видел, как его переносят в хижину, где-нибудь в Швабии или в Италии; прелестная юная девушка, чьей речи он не понимает, ухаживает за ним, сначала из человеколюбия, потом... Когда же двадцатилетнее воображение исчерпало все счастливые картины любви к простодушной и свежей крестьянке, перед ним возник образ молодой женщины, близкой ко двору и сосланной на берег Сезии угрюмым мужем. Сперва она присылает своего лакея с корпией для раненого юноши, а несколько дней спустя появляется сама под руку с сельским священником.

«Но нет, — продолжал Люсьен, нахмутив брови и внешне вспоминая о шутках, которыми его со вчерашнего дня донимал господин Левен, — я буду воевать только с сигарами; я стану одним из почетных завсегдатаев военного кафе в унылом гарнизоне плохого мощного городишки; в качестве вечерних развлечений у меня будет несколько партий на бильярде и несколько бутылок пива да иногда по утрам пустая перепалка с грязными, умирающими с голоду рабочими... В лучшем случае я буду убит, как Пирр¹, ночным горшком (неприятный сюрприз!), брошенным из окна шестого этажа беззубой старухой. Какая слава! Моя душа окажется в довольно нелепом положении, когда на том свете я буду представлен Наполеону.

„Без сомнения, — скажет он, — вы умирали с голоду, раз взялись за это ремесло?“ — „Нет, генерал, я думал, что подражаю вам“. — И Люсьен громко расхохотался. — Наши правители чувствуют себя слишком непрочно, чтобы у них хватило смелости затеять настоящую войну; в одно прекрасное утро из рядов может выступить какой-ни-

¹ *Пирр* (319–272 до н. э.) — царь Эпира и Македонии, один из сильнейших противников Рима.

будь капрал вроде Гоша, который обратится к солдатам с призывом: „Друзья мои, идем на Париж и изберем первого консула, который не позволит глумиться над собой Николаю“.

Но я хочу, чтобы капрал преуспел, — философски продолжал он, закуривая вновь сигарету. — Когда нация охвачена гневом и любовью к славе, прощай свобода. Газетчик, усомнившийся в правдивости бюллетеня, сообщающего о последнем сражении, будет рассматриваться как предатель, как союзник неприятеля и будет умерщвлен, как это делается республиканцами в Америке. Еще раз мы будем избавлены от свободы любовью к славе... Порочный круг... И так до бесконечности...»

Очевидно, наш корнет не был совершенно свободен от недуга *резонерства*, связывающего по рукам и ногам современную молодежь и сообщающего ей старушечий характер.

«Как бы там ни было, — вдруг решил он, примеряя мундир и глядясь в зеркало, — все они утверждают, что надо сделаться чем-нибудь. Ну что ж, я стану уланом; изучив военное дело, я выполню, по их мнению, свое назначение, а там будь что будет!»

Вечером, когда, впервые в жизни надев эполеты, он проходил мимо Тюильри, часовые взяли ему на караул; он был вне себя от радости. Эрнест Девельруа, *настоящий интриган*, знакомый решительно со всеми, вел его к подполковнику 27-го уланского полка, господину Филото, находившемуся проездом в Париже.

На улице Булуа, в одном из номеров четвертого этажа гостиницы, Люсьен, сердце которого учащенно билось и который искал встречи с героем, увидел плотного мужчину с хитрыми глазами и крупными белокурыми бакенбардами, тщательно расчесанными во всю длину лица. «Боже великий! — подумал он. — Да ведь это прокурор из Нижней Нормандии!» Широко раскрыв глаза, он стоял неподвижно перед господином Филото, тщетно приглашавшим его «потрудиться присесть». При каждом слове этот бравый солдат, участник Аустерлица и Маренго,

умудрялся вставлять: «Моя верность королю» или: «Необходимость обуздания мятежников». По истечении десяти минут, показавшихся ему вечностью, Люсьен поспешил уйти; он шел таким быстрым шагом, что Девельруа с трудом следовал за ним.

— Боже великий! И это — герой? — воскликнул он, внезапно остановившись. — Ведь это жандарм! Это наемный убийца, получающий деньги от тирана за убийство своих сограждан и гордый своим ремеслом.

Будущий академик смотрел на вещи иначе и не столь высокомерно.

— Что означает эта гримаса отвращения, как будто тебе подали заплесневелый паштет? Хочешь ты или не хочешь быть чем-нибудь в свете?

— Господи! Какая каналья!

— Этот подполковник в сто раз лучше тебя; это крестьянин, который, работая саблей на того, кто ему платит, дослужился до штаб-офицерских эполет.

— Но он так груб, так отвратителен...

— Это лишь увеличивает его заслугу; вызывая отвращение у своих начальников, если они были достойнее его, он вынуждал их добиваться для него чина, в котором он сегодня состоит. А ты, господин республиканец, сумел ли ты за всю свою жизнь заработать хоть один сантим? Ты взял на себя труд появиться на свет как княжеский сынок. Твой отец содержит тебя; что стало бы с тобой без него? Неужели тебе не стыдно, что в твои годы ты не в состоянии заработать себе на сигары?

— Но такое гнусное существо...

— Гнусное он существо или нет, он в тысячу раз выше тебя; он действовал, а ты ничего не делал. Человек, который, служа страстям сильного, зарабатывает четыре су, составляющие стоимость сигары, или который, будучи сильнее слабых, сидящих на своих мешках с деньгами, забирает у них эти четыре су, — гнусное он существо или нет (об этом мы поговорим позднее) — прежде всего человек сильный, он *мужчина*. Его можно презирать, но как бы то ни было, с ним надо считаться. Ты же — мальчик,

с которым ни в каком отношении не стоит считаться, мальчик, вычитавший в книжке несколько звонких фраз и повторяющий их, как хороший, увлеченный своей ролью актер; но там, где нужно действовать, ты нуль. Прежде чем презирать грубого овернца, который, невзирая на свою отталкивающую физиономию, уже не торгует где-нибудь на углу, а принимает у себя явившегося к нему засвидетельствовать свое почтение господина Люсьена Левена, изящного молодого парижанина и сына миллионера, подумай немного о разнице между ним и собой. Господин Филото, быть может, содержит своего отца, старика-крестьянина, тебя же содержит твой отец.

— Ах, ты не сегодня завтра станешь членом Института! — с отчаянием в голосе воскликнул Люсьен. — Что касается меня, я только глупец. Вижу, ты сто раз прав, я это чувствую, но я поистине достоин сострадания. Мне внушает омерзение дверь, в которую надо войти; на ее пороге слишком много навоза. Прощай!

И Люсьен поспешно удалился. Он с удовольствием заметил, что Эрнест не последовал за ним; бегом поднявшись к себе, он с яростью швырнул свой мундир на пол. «Одному богу известно, к чему он вынудит меня».

Несколько минут спустя он сошел вниз к отцу и со слезами на глазах обнял его.

— А, вижу, в чем дело, — сказал, крайне удивившись, господин Левен. — Ты проиграл сто луидоров: я дам тебе двести. Но мне не нравится этот способ выпрашивать деньги; я не хотел бы видеть слезы на глазах корнета. Разве бравый офицер не должен прежде всего думать о впечатлении, которое производит на окружающих его лицо?

— Наш кузен Девельруа, этот ловкач, прочел мне нравоучение; он сейчас доказал мне, что у меня в жизни нет никаких заслуг, кроме того, что отец мой умный человек. Я ни разу еще не заработал своим трудом стоимости сигары, без вас я был бы нищим.

— Значит, ты не хочешь получить двести луидоров? — спросил господин Левен.

— Я и так осыпан вашими щедротами сверх всякой меры. Что стало бы со мной без вас?

— В таком случае, черт тебя побери, — резко выкрикнул господин Левен, — уж не собираешься ли ты сделать сенсимонистом? Как ты будешь скучен!

Волнение Люсьена, которое он не мог скрыть, в конце концов привело его отца в веселое настроение.

— Я требую, — сказал он, прерывая его внезапно, так как пробило девять часов, — чтобы ты тотчас же отправился в мою ложу в Опере. Там ты найдешь девиц, которые в триста, в четыреста раз лучше тебя; ибо, во-первых, они не дали себе никакого труда родиться и, во-вторых, в те дни, когда они танцуют, они зарабатывают от пятнадцати до двадцати франков. Я требую, чтобы ты от моего имени угостил их ужином как мой представитель, понимаешь? Ты отвезешь их в «Роше де Канкаль» и там израсходуешь не меньше двухсот франков; в противном случае я отрекаюсь от тебя, объявляю тебя сенсимонистом и запрещаю тебе видеть меня в течение полугода. Какая попытка для столь любящего сына!

Люсьен испытывал всего-навсего прилив нежности к отцу.

— Разве среди ваших друзей я слышу скучным человеком? — ответил он достаточно умно. — Клянусь вам, что истрачу надлежащим образом ваши двести франков.

— Слава богу! И запомни, что ничего нет невежливее, чем явиться внезапно, как ты сейчас, с серьезными разговорами к бедному шестидесятилетнему человеку, которому нечего делать с сильными чувствами и который не дал тебе никакого повода приходить к нему, обрушиваясь на него с такой безудержной любовью. Черт бы тебя побрал! Ты всю свою жизнь будешь лишь пошлым республиканцем. Удивляюсь, как это ты еще не отпустил себе жирных волос и грязной бороды.

Задетый за живое, Люсьен был весьма учтив с дамами, которых застал в отцовской ложе. За ужином он много говорил и с изысканной любезностью подливал им в бокалы шампанского. Развезя их по домам и возвращаясь к себе в час ночи один в своей карете, он удивлялся приливу чувствительности, которому поддался в начале ве-

чера. «Мне надо относиться с недоверием к первым движениям моего сердца, — думал он. — В самом деле, я всем не уверен в себе; моя нежность только неприятно поразила отца... Я не сумел его разгадать, мне надо действовать, и по-настоящему. Значит, поступай в полк».

На другой день в семь часов утра он явился в своем мундире в угрюмый номер подполковника Филото. Там в течение двух часов он имел мужество быть с ним крайне любезным; он серьезно старался усвоить себе военные манеры, воображая, что у всех его товарищей тон и повадки Филото. Невероятное заблуждение, которое имело, однако, свою хорошую сторону! То, что он видел, возмущало его, внушало ему смертельное отвращение. «И все же я это вытерплю, — мужественно сказал он себе, — я не буду подшучивать над этими манерами, а стану подражать им».

Подполковник Филото говорил о себе, и говорил много; он долго рассказывал, как и за что получил он свои первые офицерские погоны в Египте, в первом сражении под стенами Александрии; рассказ был великолепен, дышал правдой и глубоко взволновал Люсьена. Но старый солдат, характер которого был надломлен пятнадцатью годами Реставрации, нисколько не возмущился при виде «парижского франта», сразу при вступлении в полк получившего чин корнета, — по мере того как Филото покидал героизм, в его голове зарождались всякие спекулятивные комбинации: он тут же начал соображать, какую пользу можно будет извлечь из молодого человека; он спросил Люсьена, депутат ли его отец.

Господин Филото отклонил приглашение на обед к госпоже Левен, переданное ему Люсьеном, но на третий день без церемоний принял в подарок пенковую трубку с великолепным массивным, чеканного серебра чубуком. Филото принял ее из рук Люсьена, как получают обратный долг, и даже не подумал поблагодарить.

«Это означает, — решил он, закрывая дверь за Люсьеном, — что *франт*, поступив в полк, будет часто проситься в отпуск, чтобы сорить деньгами в соседнем городке... И, — прибавил он, взвешивая в руке отделанную серебром трубку, — вы получите эти отпуска, господин Левен,

но получите их только через мое посредство; я никому не уступлю такого клиента: ведь он, может быть, тратит по пятьсот франков в месяц; его отец, вероятно, бывший военный комиссар или поставщик, эти деньги когда-то были украдены у бедного солдата... Конфисковать!» — заключил он, улыбаясь. И, запрятав чубук среди своего белья, Филото запер на ключ ящик комода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Став гусаром в 1794 году, восемнадцати лет от роду, Тонер Филото принимал участие во всех кампаниях революции. Первые шесть лет он сражался с энтузиазмом, распевая «Марсельезу». Но вот Бонапарт сделался консулом, и вскоре хитрый ум будущего подполковника заметил, что не следует так часто распевать «Марсельезу»; он оказался поэтому первым в полку лейтенантом, получившим крест. При Бурбонах он впервые пошел к участию и стал офицером ордена Почетного легиона.

Теперь он приехал на три дня в Париж — напомнить о себе нескольким низшим по чину друзьям, между тем как 27-й уланский полк совершал переход из Нанта в Лотарингию. Будь Люсьен немного сообразительнее, он упомянул бы о влиянии, которым пользуется его отец в военном министерстве. Но он не замечал таких вещей; подобно пугливой лошади, он видел несуществующие опасности, но зато имел смелость кидаться им навстречу.

Узнав, что на следующий день господин Филото уезжает дилижансом, чтобы нагнать свой полк, Люсьен попросил у него разрешения поехать вместе с ним. Госпожа Левен была немного удивлена, увидев, как из коляски сына, которую она велела подать под свои окна, выгружают чемоданы и отправляют их к дилижансу.

Во время первой же остановки на обед подполковник сухо отчитал Люсьена, взявшего в руки газету.

— В Двадцать седьмом приказом по полку запрещено господам офицерам читать газеты в общественных мес-

Стендаль

С 79 Красное и белое, или Люсьен Левен : роман / Стендаль ; пер. с фр. Б. Лившица. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 736 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22844-3

Мари-Анри Бейль, известный всему миру под псевдонимом Стендаль, — один из самых популярных французских писателей и основоположник психологического романа. Книги «Красное и черное» и «Пармская обитель» обеспечили ему почетное место в пантеоне классиков европейской литературы. В число наиболее значительных произведений Стендаля необходимо включить также третий, не оконченный автором, однако не менее знаменитый роман «Красное и белое» (другой вариант названия — «Люсьен Левен», по имени главного персонажа). Многие объединяет Люсьена Левена с героем романа «Красное и черное» Жюльеном Сорелем. Он так же благороден, умен, готов к великим делам, пылок сердцем и страстно мечтает о счастье. Люсьен — сын могущественного и влиятельного банкира, и кажется, что его ждет счастливая, легкая жизнь. Однако трагическая влюбленность, политические интриги и козни завистников заставляют Люсьена сражаться за свое счастье, используя любые средства...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

СТЕНДАЛЬ
КРАСНОЕ И БЕЛОЕ,
ИЛИ
ЛЮСЬЕН ЛЕВЕН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Наталья Бобкова, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.03.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32,43.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

У-АКВ-31789-01-Р